

Отчет HUMAN RIGHTS WATCH: «Искоренение идеологических вирусов»

**«ИСКОРЕНЕНИЕ ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ ВИРУСОВ:
китайская кампания репрессий
против мусульман Синьцзяна».**

***ОТЧЕТ HUMAN RIGHTS WATCH
свидетельствует о всеобъемлющих ограничениях
и подавлении религиозной жизни,
нарушении основных прав человека
посредством тотальной биометризации населения***

Автор: Maya Wang, Старший научный сотрудник сектора Китая отдела Азии организации Human Rights Watch, неправительственной организации, осуществляющей мониторинг, расследование и документирование нарушений прав человека по всему миру со штаб-квартирой в США.

Неофициальный перевод. Выдержки из экспертного доклада с рекомендациями правительству Китая и других стран.

Оригинальный полный текст:
<https://www.hrw.org/report/2018/09/09/eradicating-ideological-viruses/chinas-campaign-repression-against-xinjiangs>

China: Muslims Repressed, Monitored, Forced into Camps

September 6, 2018 Video

9 сентября 2018 г. Human Rights Watch опубликовал отчет «ИСКОРЕНЕНИЕ ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ ВИРУСОВ»: Китайская кампания репрессий против мусульман Синьцзяна».

Обстоятельно проанализированы системные нарушения прав человека в Синьцзян-Уйгурском автономном районе, где проживают тюркские мусульманские этнические меньшинства: две самые большие группы — 11 миллионов уйгуров и 1,6 миллиона казахов.

В отчете указано, что ухудшение ситуации с правами человека в Синьцзяне также отражает усиление репрессий по всему Китаю с момента прихода к власти в марте 2013 года президента Си Цзиньпина. Среди других аспектов повседневной жизни Си усилил контроль правительства над религиозной практикой, от приветствий до молитв.

Ограничения китайских властей, касающиеся практики ислама, признаны одними из самых жестких и явно выраженных во всем мире.

Правительство Китая наложило всеобъемлющие и всеобъемлющие ограничения на религию посредством многочисленных законов, положений и директив (см. Раздел I, стр. 18).

В настоящее время Китай признает «законной» только ту религиозную деятельность, которая санкционирована и контролируется правительством. Такие мероприятия должны проводиться официально аккредитованным религиозным персоналом и осуществляться в утвержденных правительством местах религиозной деятельности; любая другая религиозная деятельность считается незаконной.

Правительство проверяет деятельность, сведения о сотрудниках и финансовые отчеты религиозных организаций, а также сохраняет контроль над назначениями религиозных работников, публикациями и заявлениями семинарии. Правительство также требует предварительного одобрения правительства, прежде чем кто-либо сможет публиковать, печатать, перепечатывать, выпускать, продавать или распространять религиозные материалы, включая распространение листовок.

Ограничения, в частности, представляют собой запрет на создание, потребление, распространение, в т.ч. в интернет, целого ряда материалов, определяемых настолько широко и туманно, что любое выражение может быть истолковано как запрещенное. Для примера, это может быть что-то, что «подорывает национальное единство, общественную стабильность, экономическое развитие или научный и технологический прогресс», или «влияет на религиозную гармонию».

Взятые вместе, установленные правила ограничивают многие проявления ислама. Запрещена любая форма внешности, включая волосы и одежду, которая может интерпретироваться как «разжигание религиозного фанатизма, распространение религиозных экстремистских идеологий». Требуется, чтобы весь хадж (паломничество в Мекку) был организован государством. «Халяль» ограничивается исключительно определенными пищевыми продуктами (мясо, молочные продукты и пищевые масла), такие этикетки для других целей запрещены.

Учителей наказывают за то, что они не прекратили или не сообщили о любых действиях, которые имеют «намекы на религию» в школах. Детям запрещено участвовать в религиозных мероприятиях, а родителям и учителям — представлять религию детям, в том числе дома.

Эти чрезмерно широкие запреты позволяют властям произвольно назначать

наказания за любые формы мирных религиозных или даже нерелигиозных выражений.

Правительство Китая также опубликовало, в частности в Синьцзяне, *список «75 поведенческих индикаторов религиозного экстремизма»*. Хотя в этот список включены некоторые разумные примеры подстрекательства к насилию, такие как «подстрекательство к священной войне», многие, если не большинство показателей, весьма сомнительны. Они включают ряд туманных и неточных «симптомов», которые считаются «необычными» и, таким образом, заслуживают дополнительной проверки, включая людей, которые *«хранят большое количество еды в своих домах», «тех, кто курит и пьет, но бросает внезапно»* или *«те, кто покупает или хранит оборудование, такое как гантели... боксерские перчатки, а также карты, компасы, телескопы, веревки и палатки без очевидных причин»*.

Власти ограничивают уйгуров определенным набором идей и поведений, которые считаются «нормальными» и патриотичными. Например, они *запретили имена детей с религиозными коннотациями, распространенными в исламском мире, потому что они поощряют «чрезмерный религиозный пыл»*.

В дополнение к задержанию и тюремному заключению людей за их мирную религиозную практику, люди рассказали Хьюман Райтс Вотч, что *власти сносили мечети, мусульманские полумесяцы в местах захоронения и конфисковывали религиозные предметы, такие как молитвенные коврики и Коран*.

Социальные обычаи, такие как религиозные аспекты похорон, все чаще запрещаются. Есть также некоторые свидетельства того, что на тюркских мусульман оказывают давление, чтобы они принимали участие в ханьских китайских праздниках и традициях, таких как китайский Новый год. Опрошенные свидетельствуют, что

«Люди могут посещать друг друга, но все стали скрытными и уединенными. Вместо того, чтобы нести подарки и оставаться во время визитов на долгое время ... вместо этого люди приносят деньги, и быстро уходят. На похоронах запрещают традиционные скорбные песни; Вы можете устроить большую встречу по этому случаю, но сначала вы должны подать заявление в районный офис, и районный офис направит людей, которые

будут наблюдать за вами».

«Нам также не разрешили говорить «ас-салам-алейкум » [исламское приветствие], но только « нихао » [мандаринское приветствие]. Вы также не можете писать на казахском языке, носить казахскую одежду или казахские украшения.... Арабские шрифты заменены китайскими.... Казахстанские шоколадные конфеты больше не могут быть проданы, но алкоголь... потребление поощряется».

«В мае 2017 года мы услышали, что они начали [наказывать людей за предметы религиозного культа], поэтому мы сами сожгли книги».

Согласно правилам, женщины в возрасте до 45 лет должны быть с непокрытой головой.

«В понедельник на церемониях поднятия флага вы не можете надеть шарф, и вы должны быть в брюках. Однажды на церемонии присутствовала пожилая женщина, которая была в шарфе, и полицейский ударил ее в спину и велел снять его».

Принуждение людей к политическому воспитанию, наряду со многими политиками китайского правительства в Синьцзяне по ограничению религиозного и этнического самовыражения людей, является нарушением прав на свободу выражения мнений, мысли и религии.

Биометрия может выявить конфиденциальную информацию о людях и обеспечить широкое отслеживание населения. Сбор, хранение и использование биометрических данных могут быть очень навязчивыми и должны быть всесторонне регулируемы, узкими по объему и пропорциональными достижению законной цели безопасности.

Принуждение людей к предоставлению биометрических данных, особенно образцов крови, или взятие их без осознанного согласия, оправдания или выбора отказаться может нарушить частную жизнь, достоинство и право человека на неприкосновенность личности; в некоторых случаях оно может также представлять собой унижающее достоинство обращение.

Принуждение к отбору проб ДНК и других биометрических данных целого региона или населения в целях обеспечения безопасности не может быть

оправдано как соразмерная необходимость и представляет собой серьезное нарушение международного права.

Использование различных форм массового надзора в Синьцзяне также особенно проблематично, учитывая, что в стране мало проверок на полномочия полиции по надзору или эффективную защиту частной жизни от правительственных вторжений. *Полиция не обязана получать какие-либо судебные распоряжения для проведения слежки или сбора личных данных или предоставления каких-либо доказательств того, что люди, чьи данные они собирают, связаны или вовлечены в преступную деятельность.*

Полицейские управления не обязаны сообщать о деятельности по надзору в какое-либо другое правительственное учреждение или публично раскрывать эту информацию. Людям очень трудно знать, какую личную информацию собирает правительство или как правительство использует, передает или хранит их данные. Нет также никаких существенных путей возмещения, если происходят нарушения права на неприкосновенность частной жизни, и учреждений, которые могут обеспечить независимый контроль и предотвратить будущие нарушения.

В некоторых регионах власти вводят QR-коды в каждый дом.

Синьцзян — не единственный регион, в котором китайские власти наносят QR-коды на жилые дома, однако власти заявляют, что эти «умные» таблички на дверях помогают как в контроле населения, так и в предоставлении услуг. В Синьцзяне чиновники сканируют таблички на дверях со своих мобильных устройств, когда они входят, чтобы наблюдать за жителями.

Чиновник сканирует QR-код на стене дома в районе Синьцзян (Xinjiang), что дает ему моментальный доступ к персональным данным жильцов

С 2016 года камеры установлены перед каждым домом ... который подключен к полицейскому участку; они собирали образцы голоса всех, даже походки — я видел, как они оцифровывали походку людей в полицейском участке, они просили людей походить туда-сюда несколько раз. Они собрали биометрические данные любого человека в возрасте от 15 до 70 лет без каких-либо причин, включая образцы крови.

«Я ехал, когда меня остановила дорожная полиция... Затем пришли несколько полицейских спецназа и потребовали, чтобы я дал им свой телефон. Я сделал, и они подключили телефон.... Были разные виды кабелей для разных типов телефонов. Они подключили мой iPhone, но я не увидел, что они искали. Через пять минут мне вернули телефон, и мне разрешили уйти... Ранее районный офис сообщил жителям, что они могут обратиться в полицию, чтобы проверить свои телефоны «бесплатно», чтобы выяснить, есть ли что-нибудь «проблемное». И мы пошли, и это было хорошо. Многие сделали это».

Описания этих проверок вызывают опасения, что полиция может извлекать, копировать и хранить все данные и сообщения, хранящиеся на мобильных телефонах во время этих проверок.

Опрошенные также рассказали о том, что за ними пристально следят правительственные чиновники, особенно сотрудники районного отделения и полиции. Они считают, что чиновники, посещающие и проживающие в их домах в рамках обязательных программ «fanghuiju» и «Becoming Families», являются навязчивыми.

В период между 2014 и 2017 годами власти Синьцзяна направили 200 000 кадров из государственных учреждений, государственных предприятий и государственных учреждений для размещения в деревнях, регулярного посещения и опроса людей, а также подвергания их политической пропаганде — схеме, которая была продлена на неопределенный срок. В октябре 2016 года власти предприняли соответствующие усилия по программе «Becoming Families» («Становясь семьей»). С декабря 2017 года эта кампания была расширена как обязательная программа проживания в

семье, где более миллиона человек проводят не менее пяти дней каждые два месяца в домах жителей Синьцзяна, главным образом в сельской местности.

«С начала 2017 года два раза в неделю приезжали чиновники. Некоторые люди даже остались на ночь. Мужчина и женщина пришли на ужин. Они приходят и не уходят. Власти пришли заранее, составили список и назначили вам новых «родственников». И они сказали: «Это ваши новые родственники, примите это». Мы не могли спросить их, почему, мы слишком боялись ... [Официально назначенные «родственники»] разговаривали с моим сыном, моими внуками, они фотографировали, они сидели за столом, они говорили: «Давай поедим».

Сообщение в прессе штата об этих посещениях также подтверждает, что в некоторых случаях специальные кадры отправляются в дома представителей противоположного пола. *Это делает женщин и девочек особенно уязвимыми для сексуального насилия.*

Отсутствие надлежащей правовой процедуры

Полиция допрашивает лиц, взятых под стражу, без учета основных мер правовой защиты, включая выдачу ордера на арест, установление распознаваемого уголовного преступления или предоставление доступа к адвокату.

Задержание людей без видимых уголовных преступлений, особенно для тех, кто находится в политических учебных лагерях, было подтверждено опрошенными семьями, которые сообщили Хьюман Райтс Вотч, что власти не предоставили им никаких официальных причин или документов для задержаний. Двое опрошенных сказали, что чиновники сказали им, что *полиция должна выполнить квоты для задержания людей в Синьцзяне.* По словам Ильхама:

Я слышал это от местной полиции ... У них были головные боли об этом ... Так что полиция ... сказала людям, которых они поймали, что они *должны назвать имена трех-четырех человек, которых они знают, людей, которые сделали намаз [молился пять раз в день] за последние три или четыре года* и [сказал им это]: «Если вы придумаете эти имена, мы освободим вас». [\[70\]](#)

Я знаю трех владельцев ресторанов... [которые] управляли «исламскими» ресторанами — их задержали, потому что они не разрешают курить или пить в своих ресторанах.... [Власти] запрещают все исламское. Не говоря о вашей одежде или бороде; они думают, что многие вещи показывают, что у тебя неправильные мысли.

Когда я разговаривал с людьми в тюремной камере, я слышал, что полиция восстанавливает их компьютерные файлы и сажает их за религиозные обвинения. Был парень, который был [осужден и заключен в тюрьму] на восемь лет — он сказал, что у него есть несколько электронных книг в Уйгуре, и он сказал, что полиция считает, что в качестве религиозных материалов он был также осужден за то, что учил этому детей. Другой 60-летний мужчина послал аудио табул — это форма исламских религиозных учений — своей дочери, а дочь передала его другу. Ему шесть лет, а его дочери три года.

Председатель Коммунистической партии Китая в Или, Синьцзян, рассказывает семьям тех, кто содержится в политических учебных лагерях, что эти лагеря направлены на то, чтобы превратить людей в «политически квалифицированные... образцы для подражания» для общества.

На стене лозунги: «Любите Родину и будьте благодарны партии; Слушай партию и следуй за партией». © Yili Normal University, Синьцзян

Политическое воспитание

Власти установили военную дисциплину в лагерях политического просвещения. Задержанные описали, что им нужно «аккуратно сложить одеяла, как в армии», после пробуждения и научиться стоять и маршировать в стиле милитари.

Задержанные сказали Хьюман Райтс Вотч, что они должны были участвовать в церемонии поднятия флага каждое утро; в рамках этой церемонии или после этого им *пришлось научиться петь пропагандистские песни, восхваляющие президента Си и коммунистическую партию Китая.*

«Затем, перед едой, мы должны были встать и сказать; «Мы чувствуем благодарность за партию, благодарность за Родину и благодарность за президента Си»; что «мы желаем президенту Си крепкого здоровья, чтобы Родина процветала и *чтобы этнические группы были в гармонии*», прежде чем нам позволили сесть и поесть».

Задержанным *не разрешается говорить на своих языках* или говорить о зарубежных странах. Задержанным сказали, что их освобождение зависит от их способности «изучать» китайский язык и пропагандистские песни. Один почти неграмотный человек сказал: Власти политического просвещения также заставили задержанных запоминать другие правила в рамках своего «образования»:

С 8 утра мы должны были узнать о правилах и положениях, таких как «Мы решительно против «трех злых сил», «32 правила, которые вы должны запомнить как: «Мы против религиозного экстремизма».

Эхмет описал некоторые правила, которые ему пришлось выучить:

1. Теперь мы можем больше не произносить исламские приветствия, а только [мандаринское приветствие] *ни хао*;
2. У знаков уйгурского ресторана не должно быть уйгурских или казахских надписей, только китайские иероглифы;
3. В общественных местах нельзя разговаривать на казахском или уйгурском языках;
4. Школы казахского / уйгурского языков запрещены;
5. Вы не можете общаться с людьми в 26 странах, включая Казахстан,

Россию и Турцию;

6. В [китайском] удостоверении личности третьего поколения не будет указано этническое происхождение;
7. На WeChat, QQ [китайской социальной сети] и веб-сайтах меньшинства не могут создавать свои собственные чат-группы, и если кто-нибудь осмелится это сделать, им дадут 2,5 года политического образования;
8. Ганы и казахи получают вознаграждение за вступление в брак (90 000 юаней [13 000 долларов США] и то, что они также могут подавать заявки на крупные займы);
9. Если обычные люди нарушают эти правила и разглашают государственные секреты, они будут сурово наказаны; а также
10. Если люди продадут свою частную собственность, *50 процентов из них пойдут государству.*
11. Чтобы задержанные все запомнили, «учителя» в лагерях периодически проверяли «студентов»:
12. Было три учителя с 70 до 80 учениками, и они проверяли нас каждую неделю в воскресенье. Были письменные экзамены, а также домашнее задание, *мы должны были написать свои мысли после просмотра пропагандистских видеороликов, говоря что-то вроде: «Как я чувствую благодарность за партию, партия такая классная», и тому подобное. Это все так глупо ... Учителя также выбирают ученика, чтобы он встал и запомнил правила, а если им не удастся, они должны стоять под палящим солнцем. Я также знаю, что людей избивают, потому что их забирают, а потом, когда они снимают одежду, я вижу, что у них синяки.*

Никто не может двигаться, потому что они смотрят вас через видеокамеры, и через некоторое время из динамиков донесся голос, говорящий, что теперь вы можете расслабиться на несколько минут. Этот голос также говорит вам двигаться. ... за нами наблюдали даже в туалете. В политзаключенном лагере мы всегда были в стрессе. Они выбрали одного из нас, чтобы наблюдать за нами — у лидера есть такие привилегии, как курение. ... Кроме того, они выбрали от трех до пяти человек среди нас, чтобы контролировать других. *Если вы будете шептать, на следующей неделе вам не разрешат звонить или принимать душ. Проблема заключалась в том, что квота за ненадлежащее поведение была обязательной, даже если люди не говорили,*

они все равно были бы наказаны, потому что, если бы они не могли придумать три-пять имен, сами мониторы были бы наказаны.

Бывшие задержанные также сообщили Хьюман Райтс Вотч, что им было отказано в доступе к адвокатам.

Я спросил их [власти], могу ли я нанять адвоката, и они сказали: «Нет, вам не нужен адвокат, потому что вы не осуждены. Вам не нужно ни от чего защищать вас, вы в политическом образовательном лагере. Все, что вам нужно сделать, это просто учиться. [\[111\]](#)»

Все четверо бывших заключенных сообщили Хьюман Райтс Вотч, что они подвергались или были свидетелями физических или психологических наказаний в течение всего периода принудительного «образования» или наказания тех, кто сопротивляется ему. Нур рассказал:

Пришло четверо охранников. Они отвели меня в комнату, где меня одели в металлический костюм. В этом наряде вы не можете наклонить голову в течение 12 часов, и было жарко и ужасно, и после этого я стал очень послушным. Нам было поручено выучить песню за семь дней. И если вы не научитесь этому в течение семи дней, вам не дадут пищи в течение следующих семи дней. Я сказал, что я уже прожил семь дней [в то время как] прикованный цепью, я должен быть в состоянии прожить семь дней без еды. Ханьский охранник говорит: «Даже не говорите, что вас приковали цепью, потому что вы лжете, вас никогда не сажали на цепь».

Был такой ужасный шум внутри центра заключения и политического учебного лагеря, который заставил меня чувствовать себя очень плохо. Они сказали, что это передатчик, но мне стало очень плохо, и я до сих пор слышу его в ухе.

Некоторые жители Синьцзяна сказали, что будут готовить теплую одежду в дорожной сумке: «Если кто-нибудь постучит в дверь, я должен одеться, прежде чем открою дверь».

Политическое воспитание

Чрезвычайные ограничения личной жизни тюркских мусульман на всей территории Синьцзяна не ограничиваются местами заключения. Китайское

правительство имеет давнюю традицию считать тех, чьи мысли отличаются от мыслей правительства, страдающими «идеологическими дефектами» или «психически больными», и навязывает постоянное и постоянное наблюдение наряду с настойчивой политической идеологической обработкой.

«Мы были вынуждены присутствовать на церемонии поднятия флага каждый понедельник. Они заставили нас снять наши головные платки для церемонии, и если вы этого не сделаете, вас отвезут в политические учебные лагеря. Если вы пропустили это или не повиновались, вас отправили в политическое образование. Мы должны были присутствовать на церемонии поднятия флага, начиная с апреля 2017 года».

Опрошенные также сказали, что следующие церемонии часто являются политическими встречами, во время которых *участникам может потребоваться осудить свои семьи или похвалить Коммунистическую партию*. Ихам также описал Хьюман Райтс Вотч примеры таких обвинений:

[Была] жена, осуждающая своего мужа, имама, который был заключен в тюрьму за экстремизм; а затем *ребенок, который осуждает своего отца за то, что он молился и читал Коран*.

София, мать задержанной, освобожденной от политического образования, сказала, что ее дочь обязана посещать регулярные встречи: Она была освобождена, но с тех пор... [она должна] присутствовать на еженедельной церемонии поднятия флага и «беседах», которые *промывают ей мозги... Они фотографируют ее... как свидетельство успеха их работы [и образования]*.

Ежедневные репрессии в Синьцзяне

«У нас нет прав в Синьцзяне. Они так нас пугают. *Жизнь там меняет ваш образ жизни. Вы боитесь [людей в] форме, вы боитесь говорить правду, вы боитесь молиться, вы боитесь быть мусульманином*». (Гульшаим, мать двоих детей, которые покинули Синьцзян в октябре 2017 года, мае 2018 года)

«Внедрение всех высокотехнологичных вещей и идентификации везде, это было новым.... В 2016 году они стали проверять ваше удостоверение

личности в многолюдных местах... если вы видите офицеров впереди, вы выбираете другой маршрут, а они переходят дорогу, чтобы проверить вас. Избежать этого невозможно». (Алим, бывший задержанный, май 2018 г.)

Чрезвычайные ограничения личной жизни тюркских мусульман на всей территории Синьцзяна не ограничиваются местами заключения. Правительство навязывает постоянное и постоянное наблюдение наряду с настойчивой политической идеологической обработкой.

Ограничение свободы передвижения

В Синьцзяне власти произвольно ограничивают передвижение тюркских мусульман посредством комбинации административных мер, контрольно-пропускных пунктов и контроля за доступом к паспортам.

«Когда мы с моим водителем путешествовали, мне приходилось информировать полицию в местах, где *зарегистрированы* наши *hukous* [разрешения на регистрацию домохозяйств], чтобы получить письменные разрешения. Мы должны сказать им, куда мы едем, на сколько дней, что мы собираемся делать, кого мы увидим, мы давали и информацию о семьях, которые мы собираемся посетить. Они проводят расследование прежде чем выдадут разрешение. Я также должен сообщить своей семье, к которой я еду, чтобы они сообщили в полицию и получили разрешение от районного офиса там. И если власти там тоже согласны, [только] тогда мы можем ехать». (Тохти, покинул Синьцзян в 2017 году, март 2018 года)

Неясно, применяется ли эта система одобрения во всем регионе, хотя респонденты из северного и южного Синьцзяна описали, что к ним предъявляются аналогичные требования. В некоторых случаях требование об утверждении, как представляется, применяется более строго к бывшим заключенным и семьям задержанных:

[Мою дочь] освободили, но с тех пор ей *не разрешалось покидать место, где зарегистрирован ее Хукоу* ... Она должна регулярно сообщать в районный офис ... Когда моя дочь была там, моему бывшему мужу приходилось каждый день приходить в районный офис, чтобы отчитываться, потому что он тоже стал «фокусной персоной» (универсальный термин для

тех, кого власти считают угрожающими); если он должен был пойти и навестить свою мать — которая живет в трех часах езды, он должен был получить разрешение от районного офиса.

Контрольно-пропускные пункты, дополненные доступом к полицейским базам данных, выступают в качестве еще одной системы контроля за передвижением:

Когда мы с семьей въезжали в Урумчи после того, как меня освободили..... машины стали «ду-ду-ду». Они вызвали меня в офис и спросили нас, какие преступления мы совершили и почему мы помечены, и они позвонили в наш полицейский участок; наша полиция объясняет, что я и моя семья были в черном списке, потому что я был [иностранным] гражданином и потому что меня задержали. *[Моя семья] сказала, что их удостоверения личности начинают шуметь при прохождении через контрольно-пропускные пункты с тех пор, как меня забрали».*

Контрольно-пропускные пункты позволяют властям контролировать, куда именно кто-то может пойти. Бывший задержанный Алим сообщил, что его не пускают в общественные места, а также не пускают из его района Хукоу:

Везде в Синьцзяне были контрольно-пропускные пункты... Я заходил в торговый центр, и сработала оранжевая сигнализация... Я сказал [своему другу]: «Я иду домой». Но на выходе полиция уже прибыла, и они отвели меня в полицейский участок. Я сказал им: «Я был в центре заключения, а вы, ребята, освободили меня, потому что я был невиновен...» Полиция [в полицейском участке] сказала мне просто «не ходите ни в какие общественные места». Я сказал: «Что мне теперь делать? Просто остаться дома? Он сказал: «Да, это лучше, чем это, верно?»»

Описания собеседниками того, как функционируют эти контрольные точки, совпадают с предыдущими выводами Хьюман Райтс Вотч о том, что эти контрольные точки связаны с системой больших данных Интегрированной совместной операционной платформы (IJOP), которая отмечает диапазон «необычного поведения» наряду с акцентом на людях в сети отношений. Согласно официальным сообщениям, эти контрольные точки передают информацию в IJOP и «получают в режиме реального времени предупреждающие предупреждения, выдвигаемые IJOP», чтобы они могли

«идентифицировать цели ... для проверок и контроля».

Ограничения на доступ к паспортам

С октября 2016 года власти Синьцзяна не позволяют тюркским мусульманам покидать страну, требуя, чтобы они сдали свои паспорта. Некоторые делали это, не «думая об этом» то время как другие очень неохотно, так как они уже планировали бежать из Синьцзяна. Хотя их можно вернуть, люди описали этот процесс как бюрократический кошмар. В ряде случаев тем, кто получил свои паспорта, разрешили уехать только на короткий период времени, и они должны были пообещать вернуться:

«Мой паспорт забрали, но мы вернули их обратно в путешествие. Нам пришлось пойти в районный офис, чтобы подписать различные документы, в которых говорилось, что мы не будем участвовать в каких-либо религиозных мероприятиях, и после этого нам разрешили 10 дней выехать из страны».

В ряде случаев китайские власти конфисковывали документы на проживание, выданные правительствами иностранных государств, в дополнение к паспортам КНР. Ряд опрошенных, которые долгое время проживали за границей, но все еще держат паспорта КНР, заявили, что китайские власти забрали их паспорта без объяснения причин и не позволили им уехать. Ряд опрошенных описали свои отъезды из Синьцзяна как побег, требующие уклонения от властей или сокрытия в доме далекой семьи, опасаясь, что они будут задержаны, несмотря на попытки легально покинуть Китай:

Контроль долгосрочной и краткосрочной аренды

Любой, кто нанимает или принимает на работу кого-либо из-за пределов страны, в том числе предприятия, отели и арендодатели арендуемых домов, должен *в течение трех часов после прибытия человека сообщить об этом и зарегистрировать его в полиции*. В течение шести часов должностные лица из общественного управления и сотрудники полиции должны встретиться с этим человеком, собрать его информацию и проверить на наличие «подозрительных» сведений. В течение девяти часов официальные лица должны проверить информацию об этом человеке в сети и сообщить о присутствии этого лица полиции, где находятся их хукусы. Существуют аналогичные временные требования, когда человек покидает место регистрации. Любой, кто нарушает эту политику, подвергается денежному штрафу.

По всему Китаю тюркским мусульманам часто бывает трудно найти место для временного или постоянного проживания. *Гостиницы, системы регистрации которых подключены к полицейским базам данных, часто отказывают в разрешении* всем, кто приезжает из Синьцзяна, особенно тюркским мусульманам, бронировать номера, ссылаясь на такие оправдания, как отсутствие свободных мест. Они также сообщили, что полиция будет оказывать давление на домовладельцев, чтобы они выселили их из своих домов.

Политическое воспитание

«Во время церемонии в понедельник вы должны показать свое удостоверение личности, или, если вы пропустите несколько раз подряд, кто-то скажет вам, и вы будете наказаны».

Алим сказал Хьюман Райтс Вотч, что в одном из таких собраний он заставил его произнести проправительственную речь:

Люди должны были зачитывать свои речи, они называли это «Говори и покажи свой меч» (发声亮剑), мне тоже пришлось. Это были разные люди каждый раз. [Я писал] какая-то фигня: Китай быстро развивается, что ни одна другая страна не смогла сделать это в современной истории, мы должны поблагодарить партию за наше процветание, мы должны бороться с «тремя злыми силами».

В сельской местности с конца 2016 года власти также открыли «ночные школы для крестьян и скотоводов». По мнению властей, эти школы, которые будут созданы в каждой деревне Синьцзяна, направлены на обучение людей мандаринскому языку, государственной политике и обучению навыкам, чтобы люди могли «оставить позади невежество и отсталость», и это важная программа, которая выполняет цель «социальной стабильности и прочного мира» в регионе. Есть некоторые доказательства того, что участие не является добровольным, по крайней мере, для определенных типов сельских жителей.

Лишение свободы

Задержание является произвольным, когда невозможно сослаться на правовую основу, оправдывающую лишение свободы в соответствии с основными правами, или когда орган содержания под стражей не соблюдает основные права надлежащей правовой процедуры, такие как информирование о причинах ареста, оспаривать задержание перед судьей и доступ к адвокатам и членам семьи.

Китайские политические учебные лагеря являются произвольными местами содержания под стражей, потому что они задерживают людей в нарушение их основных прав на свободу выражения мнений, вероисповедания и других

оснований, а также потому, что они не предоставляют задержанным адекватную защиту в рамках процессуальных норм.